

Фокин Валерий

03.11.04

РЕЖИССЕР ВАЛЕРИЙ ФОКИН:

«РЕФОРМА ПЕРЕЗРЕЛА»

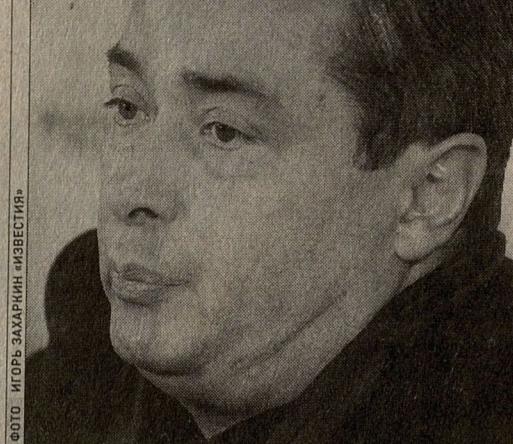

Фото Игорь Захаркин «Известия»

С художественным руководителем Центра имени Вс. Мейерхольда в Москве и Александринского театра в Петербурге встретился корреспондент «Известий» Артур Соломонов.

НАЧНУТСЯ ДРАМЫ, УГРОЗЫ САМОСОЖЖЕНИЯ

Известия: Как вы думаете, реформа действительно назрела?

Фокин: Эта реформа не просто назрела, она перезрела. Мне жалко, например, что в 1987 году или в 1986-м, когда СТД России образовался и я был секретарем вновь избранного Союза и отвечал как раз за организацию театрального дела, мы не довели наши преобразования до конца. Тогда мы сделали резкий шаг по отношению к советскому прошлому: убрали цензуру, стали резко действовать в отношении тогдашнего Министерства культуры, дали большую экономическую независимость театрам. Этот шаг всколыхнул театральную ситуацию, но, к сожалению, мы остановились. Надо было вводить контрактную систему, менять КЗОТ. Но этого мы не сделали. Разорвать контракт с актером сейчас практически невозможно. Для его продления есть масса юридических уловок... Я думаю, что театральная реформа, которая должна состояться, пройдет болезненнее, чем могла бы пройти. И, конечно, начнутся драмы, угрозы самосожжения... Это очень понятно.

Известия: Как вы представляете эту реформу?

Фокин: Я об этом говорил и в администрации президента, и с Михаилом Швыдким. Мне кажется, выход только один: сделать несколько дифференцированных театральных кругов. Должен быть один круг, связанный с такими значительными, корневыми театральными коллективами, как Малый, Большой, МХАТ, Александринка и еще ряд театров, которые являются некоторыми академиями в высоком значении этого слова. Эти академии должны находиться в особом театральном кругу. То есть должны быть абсолютно под защитой государства и на особом положении.

Известия: Не получится, что одни будут «священными коровами», которым все позволено, а другие — под постоянным страхом закрытия?

Фокин: Я об этом хотел сказать. Конечно, подход «Мы двести пятьдесят лет назад родились, и, что бы у нас ни происходило, вы нас не трогайте» порочен. Именно потому что вы стали музеем русской драмы — на вас лежит большая ответственность, и вы должны быть постоянно реформируемы. И руководители, в том числе и я, как худрук Александринского театра, должны не стоять на страже традиций, а думать о постоянном обновлении при опоре на великое прошлое. Дальше идет круг театров, которые финансируют сами регионы, и содержание их города берет на себя. Дальше возможны варианты частичного финансирования. Например, расходы по сценическому оборудованию и коммунальные услуги финансирует город, а спонсоры берут на себя расходы по созданию спектакля. Форма частных театров должна быть более активна. Они неизбежно выберут нишу общедоступно-развлекательную, и это правильно, потому что нельзя же делать только авторский театр.

Нужны конкурсы малых театров и студий,

которые должны доказать свое право на жизнь.

Мы научились рождать театр, а вот с финалом все время медлим.

И по стране тысячи театральных организаций, которые,

быть может, давно уже умерли, но все равно финансируются.

В эту реформу надо записать контракты для руководителей. Чтобы не было пожизненных должностей. И худруком может быть не только режиссер или актер. Надо не бояться какие-то театры, извините, расформировать, и освободившиеся театральное здание отдать под свободные площадки.

Некоторые труппы можно соединить в одну.

Например, соединить Вахтанговский и БДТ невозможно, но есть коллективы, из которых можно взять лучших артистов и соединить в одну труппу, и будет один хороший театр вместо двух средних при условии наличия талантливого руководителя.

Это я говорю о том, какие возможны позитивные результаты. Но есть же и проблемы.

Ведь никогда никто не поймет, что он плох и ему надо уходить из профессии. Это первое.

Второе — нужны деньги, чтобы эту проблему закрыть. Люди, оставленные без театра, должны социально приспособиться и перераспределиться. Таких людей окажется много, и у них будут претензии: «Я всю жизнь играл «кушать подано», но это вы так решили, на самом деле я — Гамлет. А теперь вы меня и вовсе оставляете без театра. Вы мне сломали всю жизнь». И дальше идет монолог в духе раннего Достоевского. И уволенный актер потребует социальной защиты. И будет абсолютно прав. Самый большой удар, конечно, примет среднее поколение. Старики, если им обеспечат хорошее лечение и пенсию, конечно, будут по-

Чувство — поды —
Знайди — с. 15

театру тосковать, но у них позади — большая театральная жизнь. А молодежь тоже еще может куда-то двигаться, менять театры, менять профессию, в конце концов.

Я НЕ ХОТЕЛ БЫ БЫТЬ В ЭКСПЕРТНОМ СОВЕТЕ. ЭТИ ЛЮДИ БУДУТ ЗАКЛЕЙМЕНЫ

Известия: Но реформа-то затевается в первую очередь для того, чтобы деньги сэкономить.

Фокин: Они будут сэкономлены. Но не в ближайшие времена. В процессе реформы мы, конечно, получим демонстрации, крики и стоны. И это объяснимо. Уйти от уравнителей нам необходимо. Потому что нельзя продолжать давать всем сестрам по серьгам.

Известия: Кто будет решать: кому из театров жить, а кому — умирать?

Фокин: Если это будут делать чиновники — невозможно, если заинтересованные театральные люди — тоже невозможно. Нужно создавать смешанный совет, в который войдут объективные эксперты. Они должны понимать, что берут на себя колossalную ответственность за людей, за их судьбы. Я бы не хотел быть в этом совете. Эти люди будут заклеймены.

Известия: Как убийцы русского репертуарного театра.

Фокин: Да. При том что русский репертуарный театр должен быть защищен и сохранен. Это — великое достояние. И нам надо сохранить лучшие репертуарные театры. А многие — отсечь.

Известия: Есть в России города, в которых только один театр. Уровень этого театра, не имеющего конкурентов, почти всегда очень низок. И, если следовать вашей логике, надо город лишить театра вовсе. Поэтому что он наверняка хуже, например, какого-нибудь московского театра, который скорее всего закроют.

Фокин: Подход должен быть индивидуален. Города, в которых есть один-два театра, вряд ли нужно трогать. Эти театры должны внутри переформироваться постепенно. Вот привел свою группу в Театр на Таганке Юрий Любимов, и возник знаменитый театр. То же самое было с БДТ, когда туда пришел Георгий Товstonogov, который получил право уволить всех, кого хотел, и набрать тех, кто ему нужен. В городах, в которых около десятка театральных коллективов, — а таких в России много — можно, например, из семи-восьми средних театров сделать четыре хороших. Но, конечно, если в городе один театр, закрывать его и строить на его месте фитнес-клуб — дико.

Известия: Если эта реформа будет проведена, Александринский театр и Центр Мейерхольда окажутся в разном финансовом положении.

Фокин: Центр не имеет никого отношения к этой реформе — у нас нет лотаций от государства, и бюджет свой мы формируем сами. Лишь иногда получаем гранты от комитета по культуре, если они нам дают.

ТЕАРТАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ МАССА, И ОЧЕНЬ МНОГИЕ ТОЖЕ МОЖНО ЗАКРЫВАТЬ

Известия: Александринскому театру, конечно, извне ничего грозить не может. А вот внутренние реформы, в которых театр нуждается, вы проводите? Многие худруки говорят, что уволить почти никого невозможно — кто-то семьдесят лет назад удачно сыграл роль, у кого-то тяжело болен дедушка, а кто-то уже сам дедушка. Эти факторы мешают шагам, которые не могут не быть резкими. У вас такая же ситуация?

Фокин: Я прекрасно понимаю, что присутствие стариков в труппе необходимо. Сейчас я очень активно чищу молодой состав. Они могут еще пойти в другой театр или переквалифицироваться и пойти зарабатывать хорошие деньги, которые никогда не зарабатывают в театре. Но для такого театра, как Александринский, максимальное количество актеров — пятьдесят человек. Словом, реформа экономически назрела — и в театральной жизни страны в целом, и в каждом конкретном театре.

Известия: Михаил Швыдкой сказал следующее: «Если менеджер сделает ошибку, государство за нее ответственности не несет, то есть учреждение может быть обанкрочено».

То есть, если упростить проблему, однажды мы можем услышать, что, например, «обанкрочен театр драмы в Нижневартовске».

Фокин: Это очень сложно и очень болезненно. Но реформу все равно надо начинать: готовить общественное мнение, проводить конференции, «круглые столы».

Известия: Вы помните, какой крик поднялся, когда вы в восемидесятые предложили из Театра имени Ермоловой сделать Театральный центр. Представляете, что сейчас из регионов начнут раздаваться отчаянные возгласы о крушении русского театра, и в этом будет доля правды.

Фокин: Но ведь тогда я был прав — этих театральных центров сейчас масса, и очень многие тоже можно закрывать. Я был первым, кто об этом сказал, и поэтому получил по голове — это всегда так. Конечно, я не исключаю, что и на эти мои реплики будет реакция болезненная. Но, повторяю, жизнь изменилась так, что выхода у нас нет.

Известия: Не получится, что те деньги, которые выделялись на театры, просто пойдут на другие нужды, и от того, что перестанут финансироваться плохие театры, хорошим легче не станет.

Фокин: Нужно будет добиваться сохранения этих средств. Хотя чиновники будут хотеть иного, но можно защищать освободившиеся средства. Между лучшими театрами начнется более острая конкуренция.

Появятся лишние театральные здания, которые можно будет дать новым театральным коллективам. Но прыжок в эту ледяную воду без денег, без социальной защиты — будет очень страшен.